

Новое лицо Евросоюза: феномен правого популизма на примере отдельных стран ЕС

Е.В. Хахалкина, К.П. Андреев, А.В. Мунько

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В настоящее время Европейский союз переживает болезненный переход в качественно новое состояние по ряду позиций: меняется внешний облик его жителей, происходят необратимые изменения в характере системных партий и действующих политических механизмов, и структур, усиливаются центробежные тенденции на фоне Брекзита и продолжающейся иммиграции. Все эти процессы как слабо очевидные, так и вызывающие широкий общественный резонанс, вывели на передний план политической жизни Евросоюза феномен правого популизма. Это явление стало реакцией как на внутренние, так и внешние вызовы для «Единой Европы». В статье ставится цель выявить составляющие природы правого популизма на примере отдельных стран Евросоюза, показать его угрозы и риски, а также пути для возможной минимизации его воздействия на все стороны жизни интеграционного объединения. Для реализации поставленной цели были привлечены программные документы политических (прежде всего, популистских) партий, данные о национальных и европейских выборах, материалы Евробарометра и других служб общественного мнения, выступления и интервью ведущих политиков и другие материалы. Методологический подход строится на принципах междисциплинарности и использовании сравнительно-типологического, функционального и структурно-диахронного методов. Обращение к цивилизационной концепции А.Дж. Тойнби может помочь в объяснении остроты иммиграционной проблемы в целом и сюжетов, связанных с исламофобией, в частности.

Структура статьи предусматривает изучение феномена правого популизма через такие переменные как отрыв элит от населения (включая еврократию и дефицит демократии), иммиграция (и исламофобия) и идентичность ЕС (и евроскептицизм). В качестве примера выступают Великобритания, Австрия, Германия, Италия, Испания, Франция, Швеция, страны Восточной Европы и другие. Были сделаны выводы о дуальной природе правого популизма, его возрастающем значении в отдельных странах Евросоюза и глубокой интегрированности в партийно-политический и парламентский механизм европейских демократий.

Ключевые слова: правый популизм, Европейский союз, дефицит демократии, иммиграция, исламофобия

УДК: 329.4

Поступила в редакцию: 23.12.2019 г.

Принята к публикации: 12.10.2020 г.

В мае 2019 г. британское издание «Проспект» вышло с таким заголовком «Готова ли Британия к премьер-министру-популисту?». Речь шла о нынешнем премьер-министре Б. Джонсоне, кампанию за лидерство которого называют самой популистской за всю историю Консервативной партии¹.

Страсти по Брекситу, не прекращающиеся уже более трёх лет, высветили глубокий раскол населения Соединённого Королевства по широкому спектру вопросов – от иммиграции до отношения к Европейскому проекту в целом. Брекзит как явление обнажил шаткость партийно-политической системы Великобритании: отсутствие единства внутри ведущих партий и острую потребность в осмыслении самой роли премьер-министра, функции которого регулируются традицией и прецедентным правом, ставшими уже недостаточными в изменившихся условиях.

Брекзит, превратившись в нарицательное понятие, является одним из звеньев в цепи вызовов внесистемного характера, с которыми в последнее время регулярно сталкивается Европейский союз и которые трудно поддаются прогнозированию, контролю и разрешению. Особое значение среди них имеет правый популизм, громко заявивший о себе в ряде стран Евросоюза и поразивший страны с высоким уровнем политического и экономического развития. Речь идёт об Австрии («Австрийская партия свободы» (АПС)), Бельгии («Новый Фламандский альянс» и «Фламандский интерес»), ФРГ («Альтернатива для Германии» («АдГ»)), Италии («Лига Севера» и «Движение пяти звёзд»), Испания (Vox), Швеции («Шведские демократы») и странах Восточной Европы – прежде всего, Польши («ПиС»), Чехии (ANO-2011, «За свободу и прямую демократию»), Венгрии (партия «Фидес», «Йоббик») и других.

В центре программ правопопулистских партий находятся такие вопросы, как борьба с коррумпированностью политических элит и местного истеблишмента, противопоставление правящим кругам по принципу «мы и они», а также определение общества как культурно-гомогенного целого (Falkner, Plattner 2018: 2). О росте популистских настроений в странах Евросоюза свидетельствуют и опросы общественного мнения. Согласно данным Европейского фонда прогрессивных исследований (FEPS) и венгерской организации Policy Solutions, в конце 2018 г. 30,3% вероятных избирателей в Европе были готовы проголосовать за популистскую партию. Годом ранее это соотношение составляло 26,5%². Этим данным вторит исследование британской газеты «Гардиан», согласно которому каждый четвёртый житель Европы предпочитает голосовать за представителей правых популистских партий, хотя ещё недавно в большинстве государств эти партии не представляли собой серьёзной политической силы³.

¹ Bloomfield S. Is Britain ready for a populist prime-minister? *Prospect*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/boris-johnson-populism-conservatives-far-right> (accessed 20.12.2020)

² The State of Populism in Europe 2018. *Policy Solutions*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.policysolutions.eu/en/news/484/the-state-of-populism-in-europe-2018> (accessed 20.12.2020)

³ Revealed: One in Four Europeans Vote Populist. *The Guardian*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/ng-interactive/2018/nov/20/revealed-one-in-four-europeans-vote-populist> (accessed 20.12.2020)

По итогам выборов в Европарламент (ЕП) в мае 2019 г., примечательных высокой явкой избирателей (более 50 %), четверть голосов получили популистские силы, что на 5% больше прошлых выборов 2014 г.⁴ Свыше 30% голосов получила накануне созданная «Партия Брекзита» Н. Фараджа, 11% голосов – «АдГ», 11,7% – «Фламандский интерес» и другие⁵. Правопопулистские силы влились в такие партии как «Идентичность и демократия», «Европа свободы и прямой демократии» и другие. Во Франции на первое место в Европарламент вышло крайне правое «Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт»), сформулировавшее задачу в сотрудничестве с другими странами не покинуть ЕС, а трансформировать его изнутри «в пользу Европы свободных наций» (Клинова 2019: 37; Швейцер, Квашнин 2019: 151). В общей сложности 10% членов парламента, избранных на майских выборах, представляют крайне правые партии⁶.

Правый популизм усиливается в целом по Евросоюзу и в отдельных его регионах, в частности. Например, до 2018 г. чёткая и очевидная линия отделяла Средиземноморский регион с сильным влиянием в нём левопопулистских сил от остальной Европы. По итогам же указанного года стало ясно, что этого разделения больше не существует – правые популисты усилились в Италии и Испании, в то время как положение левых популистов либо осталось неизменным, либо ухудшилось⁷. Такой вектор развития соответствует наметившемуся в последние десятилетия движению «партий социал-демократов и консерваторов Европы (и Запада в целом) к политическому центру» (Семененко, Прохоренко 2015: 34-35). На их месте появляются новые политические силы гибридного типа, определить принадлежность которых становится затруднительно по причине пестроты их лозунгов и программ.

В данной статье выдвигается гипотеза о правом популизме как дуалистическом явлении. С одной стороны, он имеет ситуативный эффект – как реакция на резкое ухудшение базовых показателей стандартов жизни или её привычного характера (экономические трудности, включая безработицу и усиление имущественной дифференциации; вызовы иммиграции, дефицита демократии и другие), с другой стороны, стал органической частью демократических механизмов

⁴ European Elections Results Show Growing Split Over. *The New York Times*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/26/world/europe/european-elections-results.html> (accessed 20.12.2020)

⁵ EuropeanParliament 2019. Elections Results. *Bloomberg*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2019-european-parliament-elections/> (accessed 20.12.2020)

⁶ Far-right parties form new group in European Parliament [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/en/far-right-parties-form-new-group-in-european-parliament/a-49189262> (accessed 20.12.2020)

⁷ The State of Populism in Europe 2018. *Policy Solutions*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.policysolutions.hu/en/news/484/the-state-of-populism-in-europe-2018> (accessed 20.12.2020)

в странах Евросоюза.

Природа правого популизма

Природа популизма (в левом или правом его выражении) отличается подвижным характером. Авторы статьи разделяют тезис о «вирусном» характере популизма⁸, охватившего разные слои населения практически всех стран Евросоюза и глубоко внедрившегося в партийно-политический ландшафт «Единой Европы». Популизм как явление находит жизнь в естественно возникающих лакунах – между обещаниями демократии и невозможностью их полной и постоянной реализации. Этот разрыв между ожидаемым и реальным в странах Евросоюза в последние годы только усиливается, приобретая непредсказуемые формы развития.

Относительно устойчивыми маркерами правого популизма, при поправке на отсутствие чётко закреплённых в мировом экспертном сообществе характеристик, остаются антииммиграционная риторика и евроскептицизм. Неустойчивыми критериями в ряде стран можно считать экономические проблемы, имущественную дифференциацию и отрыв элит от населения. Политолог из Йельского университета П. Асланидис называет популизм «дискурсом» – «не набором убеждений», а способом разговора о политике, который формирует политику с точки зрения «верховенства народного суверенитета» (Aslanidis 2018). Исследователь из Австралийского католического университета Б. Моффитт рассматривает популизм как «политический стиль», наличие которого «очень мало говорит о демократическом содержании любого политического проекта» (Moffit 2013). Согласно определениям этого типа, главный вопрос не в том, является ли данный политический актор или группа политиков популистами, а как и с какими намерениями они «реализуют» популизм, и какое воплощение он находит в их конкретных действиях после прихода к власти.

Ниже в статье представлены кейсы понимания правого популизма через такие переменные, как отрыв элит от населения, иммиграция (в том числе исламофобия) и евроскептицизм (и отношение как к европейскому проекту в целом, так и европейской идентичности в частности).

Правый популизм, отрыв элит от народа и размывание значения демократии

В качестве одного из главных и наиболее существенных признаков правого популизма исследователи выделяют дихотомическое разделение между «элитами» и «народом», где первые действуют независимо от населения, опираясь преимущественно только на свои интересы (Мусихин 2009: 41; Рябов 2018: 46).

⁸ «We the people»: The Battle to define populism. *The Guardian*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/news/2019/jan/10/we-the-people-the-battle-to-define-populism> (accessed 20.12.2020)

Такое поведение правые популисты склонны представлять как безразличие политического и экономического истеблишмента в отношении стандартов и качества жизни населения (Баранов 2015: 29). В то же время народ в данном случае понимается как гомогенная аморфная масса, с общими целями и интересами, от лица которой ведётся (или не ведётся) диалог с руководством страны (Антонов, Корнева 2017: 5).

Для правых популистов характерны нападки на демократию как гражданский механизм и политический режим. Неудивительно, что в сложившейся общественно-политической лексике правый популизм противопоставляется демократии и имеет уничижительный оттенок. Однако следует заметить, что эти два понятия тесно связаны между собой – термин «популизм» происходит от лат. *populus* – «народ»; «демократия» – от древнегреч. «народ» и «власть», или «народовластие». Оба понятия, несмотря на их явную смысловую связь, по сути, противостоят друг другу. В этой логике срабатывает дихотомия «мы и они». Согласно одному из положений дискурсивной теории философов Ш. Муффа и Э. Лакло, «конфликт является неизбежной и определяющей чертой политической жизни» любого общества. По их мнению, демократия – это постоянная борьба между условными «нами» и «другими»⁹. Развивая данный тезис, Ш. Муфф подчёркивает, что как «только мы признаем антагонистическое измерение “политического”, мы начинаем понимать, что одна из главных проблем демократической политики состоит в том, чтобы попытаться разрядить потенциальный антагонизм, который существует в человеческих отношениях» (Mouffe 2016).

На практике «разрядке» такого антагонизма мешает потеря связей между политическими элитами и населением и противопоставление популистскими силами себя действующей власти и существующим парламентско-демократическим установкам, функционал которых популисты начинают подвергать сомнению. Как следствие, популизм (в его «правом» и «левом» значениях) воспринимается на официальном общественно-политическом уровне как безусловная угроза демократии, для противодействия которой создаются общественные и политические организации, сам факт существования и функционирования которых призван как бы дополнительно подчеркнуть «опасный» характер популизма. Например, бывший премьер-министр Великобритании от Лейбористской партии Т. Блэр в настоящее время возглавляет Институт глобальных изменений (IGC), созданный для «противодействия разрушительному воздействию популизма». В 2017 г. проведённое этой организацией исследование показало, что большинство популистских партий в Европе принадлежит к правому крылу: 72 из 102 в программных документах определяют себя как правых популистов (Eirmann et al. 2017: 13). Другая организация – «Хьюман Райтс Вотч» – в

⁹ Цит. по: «We the people»: The Battle to define populism. *The Guardian*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/news/2019/jan/10/we-the-people-the-battle-to-define-populism> (accessed 20.12.2020)

своём ежегодном отчёте за 2018 г. предостерегла мировые демократии от «капитуляции» перед «популистским вызовом»¹⁰.

Всплеск научного интереса к популизму относится к концу первого десятилетия нынешнего века. В 2004 г. голландский учёный К. Мюдде опубликовал работу «Популистский дух времени» (Mudde 2004), которая поначалу не привлекла широкого внимания научной и общественной аудитории и которую в 2005 г. процитировали только девять раз. После начала мирового финансового кризиса в 2008-2009 г. и роста популистских настроений, количество цитирований выросло кратно.

После того, как в 2017 г. Кембриджский словарь объявил популизм «словом года» К. Мюдде язвительно заметил в своей колонке в газете «Гардиан», что такая мода объясняется главным образом тем, что термин «часто плохо определяется и неправильно используется»¹¹. «Популизм, – утверждал Мюдде, – это больше, чем просто демагогия или оппортунизм. Но это не полностью сформировавшаяся политическая идеология, ... “тонкая” идеология, состоящая из нескольких основных убеждений. Во-первых, наиболее важным разделением в обществе является антагонистическое разделение между “людьми”, понимаемыми как принципиально хорошие, и “элитами”, понимаемыми как принципиально коррумпированные и не имеющие отношения к повседневной жизни. Во-вторых, все популисты считают, что политика должна быть выражением “всеобщей воли” – совокупности желаний, которые, как предполагается, разделяются как здравый смысл всеми “простыми людьми”»¹².

Левый популизм идёт рука об руку с правым популизмом, для которого характерным является направление социального протеста против иммигрантов как дешевой рабочей силы, тормозящей рост заработных плат для местного населения. Крах финансового рынка в 2008 г. привёл к появлению движений против жёсткой экономии, таких как левопопулистская Podemos в Испании, Syriza в Греции, левое движение протеста Оссиру в странах Евросоюза, Оссиру Wall Street и Tea Party Movement в США. Эти движения были направлены против узкой группы наиболее богатых людей, которые получали сверхдоходы.

С начала 2000-х гг. темпы иммиграции в развитые страны ЕС увеличились. В 2014-2016 гг. страны ЕС пережили самый внушительный за несколько десятилетий наплыв беженцев в связи с «арабской весной». Произошедшее наложение экономических проблем на пласт иммиграционных трудностей вызвало эффект «усталости» среднего класса от «проекта глобализации», в то время как именно рост среднего класса является основным показателем «устойчивости демократических систем национальных государств» (Сергеев и др. 2018: 138).

¹⁰ Baker P.C. «We the People»: the battle to define populism. *The Guardian*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/news/2019/jan/10/we-the-people-the-battle-to-define-populism> (accessed 20.12.2020)

¹¹ Цит. по: Baker P.C. «We the People»: the battle to define populism. *The Guardian*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/news/2019/jan/10/we-the-people-the-battle-to-define-populism> (accessed 20.12.2020)

¹² Ibid.

Исследователи, развивая и дополняя этот тезис, обращают внимание на последствия внедрения неолиберальной платформы, которую в своё время проводили в своих странах Р. Рейган, М. Тэтчер и Г. Шрёдер (Белинский 2018).

Комплекс принятых ими мер, направленный на активизацию и индивидуализацию рынка, подготовил почву для выхода или возвращения на политическую арену популистских партий, обозначавших в своих повестках борьбу с негативными последствиями проводимых реформ.

Среди них, например, усиление социального расслоения и выхолащивание демократических институтов, вызвавших «восстание против элит» (Белинский 2017: 9). Популисты использовали наметившиеся тенденции в своих интересах, прибегнув к вбросу громких привлекательных лозунгов, апеллирующих к чувствам и эмоциям электората, а не к рациональным доводам (Харкевич, Музалевский, Осколков 2018; Осколков 2019b; Белинский 2018: 8). В целом, в 2017 г. популистские партии в общей сложности набрали 24,1% голосов на местных выборах в странах ЕС, причём доля голосов, отданная за правопопулистские силы, составила почти 18% (в Восточной Европе 90% голосов были отданы таким партиям) (Eiermann et al. 2017: 13). Например, в Венгрии на фоне экономического кризиса продолжила набирать обороты правопопулистская партия «Фидес» во главе с В. Орбаном и активизировалась более радикальная партия «Йоббик», в идеологию которой входит резкая критика Евросоюза, его бюрократического аппарата и системы управления. На парламентских выборах 2014 г. «Фидес» набрала 66% голосов, «Йоббик» показала третий результат, набрав 11%¹³. На следующих выборах в 2018 г. правопопулистские силы сохранили свои позиции, сделав упор на защите христианских идей и европейской идентичности. Эта риторика обеспечила «Фидес» 49%, а «Йоббик» – 19% голосов¹⁴.

В Польше в силу географических и исторических аспектов, евроскептицизм направлен на критику самой идеи интеграции и репрезентации ЕС как «сверхгосударства». Критика Евросоюза содержится в программах самых разных политических сил, например, в 2019 г. в платформе правопопулистской партии «Конфедерация независимой Польши» провозглашалась необходимость усиления контроля за главными органами ЕС¹⁵. Также на примере Польши видны симптомы дефицита демократии внутри самой страны. Их наличие отражает борьба правопопулистских партий с коррупцией, судебным произволом и ограничениями деятельности СМИ¹⁶.

¹³ Országgyűlési képviselők választása 2014. április. 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://static.valasztas.hu/dyn/pv14/szavossz/hu/150.html> (accessed 20.12.2020).

¹⁴ Országgyűlési képviselők választása 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.valasztas.hu/ogy2018> (accessed 20.12.2020).

¹⁵ Piątka Konfederacji. Program Konfederacji Wolności Niepodległość [Электронный ресурс]. URL: <https://konfederacja.net/wp-content/uploads/2019/09/KONFEDERACJA-Program-Wyborczy-Polska-dla-Ciebie.pdf> (accessed 20.12.2020).

¹⁶ Польша отказалась от судебной реформы по требованию ЕС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/638869> (дата обращения: 20.12.2020); Суд ЕС обязал Польшу приостановить реализацию судебной реформы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/634180> (accessed 20.12.2020).

В Чехии проявлением дефицита демократии служит ситуация с главой партии АНО («Действия недовольных граждан») А. Бабишем, который стал премьер-министром, находясь под следствием по статье «растрата государственных средств»¹⁷. Нехватка демократии выражается также в усложнении бюрократической системы чешского государства и увеличении числа министерств, которые искусственно раздувают аппарат управления. В программах партий поднимается вопрос и о необходимости введения прямого голосования для большинства выборов (по аналогии с президентом республики), что свидетельствует о запросе общества на большую демократизацию внутри Чешской Республики.

Определённый недостаток демократии наблюдается и на уровне союза. Дело в том, что сам механизм принятия решений в Евросоюзе выстроен таким образом, что по ряду вопросов национальные государства вынуждены подчиняться воле Брюсселя, что вызывает сопротивление как у национальных элит, так и у населения. В Белой книге 2017 г., изданной к 60-летию подписания Римских договоров, акцентировалось внимание на таком феномене: в трудностях экономического, социально-политического или иммиграционного характера национальные правительства склонны винить Брюссель, в то время как достижения Евросоюза преподносятся как успехи национальных государств¹⁸.

К этому следует добавить проблему еврократии, которая выражается как в неизбежном увеличении бюрократического аппарата ЕС, так и замедлении принятия и выполнения решений. Европейская бюрократия уже два десятилетия фигурирует в отчётах социологической службы «Евробарометр» как одна из ставших «хроническими» проблем Евросоюза. Брюссель реагирует на этот вызов посредством развития «ассоциаций гражданского общества» для налаживания «диалога на уровне Евросоюза» (Лэйн 2012: 102-103). Однако такой курс приходит в столкновение с взглядом некоторых политических элит на демократию как таковую. По их мнению, «процессы демократизации общества» на практике ведут лишь к усилению «кризисных процессов в государстве» и общей дестабилизации обстановки внутри страны (Косов, Вовенда 2014: 172).

На фоне «дефицита демократии» популисты представляют себя в качестве рупора, транслирующего волю народа в борьбе с коррумпированными элитами (Mudde, Kaltwasser 2017: 2), причём в данном случае под элитами могут пониматься СМИ, правительство, экономическая и культурная верхушка стран. Они часто представляются как «однородная коррумпированная группа, чьи цели либо не совпадают, либо полностью противоречат общим потребностям» (Müller 2017: 12).

¹⁷ Kompletní obvinění zkauzy Čapí hnízdo: prostudujtesidůkazy, které spustilystíhání AndrejeBabiše *irozhlas.cz*. [Электронный ресурс]. URL: https://www.irozhlas.cz/zpravy-domov/babis-kompletni-sdeleni-obvineni-dukazy-capi-hnizdo-dokument_1909300600_cib (accessed 20.12.2020).

¹⁸ White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU27 by 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (accessed 20.12.2020).

Например, в одном из основных программных заявлений «АдГ» в рамках предвыборной кампании 2017 г. в Бундестаг содержалось обвинение коалиционных партий в формировании «политической олигархической верхушки», возникшей из политического объединения ХДС/ХСС. «АдГ» выдвигала требования пересмотра системы народного голосования и применения швейцарской выборной модели, суть которой заключается в возможности внесения законодательных инициатив избирателями, а также невозможности изменения статей конституции без одобрения народным голосованием. В частности, в документах партии особый акцент делался на том, что «демократия – это не документы, подписываемые в рамках маленьких коалиционных соглашений»¹⁹.

Критика ЕС содержится в программе правопопулистской «АПС». Евросоюз определяется в платформе как «центристский бюрократический молот», который угрожает суверенитету Австрии, а должен являть собой сообщество автономных «народов и отечеств»²⁰. На выборах в Бундестаг в 2017 г. «АПС» призвала к строительству плебисцитной демократии: «Прямая демократия – лучший путь для возвращения веры в политику и реализацию столь необходимых стране мер, которые уже долгое время блокируются определённой группой, использующей политическую систему в своих интересах»²¹.

Результаты последних независимых опросов демонстрируют запрос рядовых австрийцев на усиление демократизации: 83% считают, что соблюдение демократических принципов в стране является важной задачей нового правительства, 82% сходятся во мнении о необходимости реформ в сфере юстиции. Другим немаловажным фактором является реакция на разрыв между взглядами на государственное устройство со стороны рядовых граждан и правящей политической элиты – 61% опрошенных считает, что данный разрыв оказывает существенное влияние на политическую и экономическую обстановку в стране, 58% считают, что стране необходим новый сильный лидер во главе правительства²².

Аналогичных взглядов придерживаются и «Шведские демократы», которые рассматривают понятия «демократия» и «народ» как действующие только в связке: по их мнению, функционирующая демократия – это народ с сильной культурной и национальной идентичностью, которую следуют защищать от массовой иммиграции²³.

¹⁹ Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (accessed 20.12.2020)

²⁰ Österreicher verdienen Fairness. Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf (accessed 20.12.2020)

²¹ Österreicher verdienen Fairness. Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf (accessed 20.12.2020)

²² ÖGfE-Umfrage: EU und demokratische Werte – Was die Ungarn und Österreicher eint und trennt [Электронный ресурс]. URL: https://oefge.at/2018/04/hu_at_umfrage/ (accessed 20.12.2020)

²³ Vi väljer välfärd. Sverigedemokraternas valmanifest – valet 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://sd.se/wp-content/uploads/2014/08/Valmanifest.pdf> (accessed 20.12.2020)

Эксперты справедливо отмечают, что развитие демократии «во многом носит субъективный характер, и, в первую очередь, укрепляет власть политическими элитами и лидерами». В истории практически всех стран Евросоюза случались эпизоды, когда именно парламентско-демократический механизм позволял безболезненно, легальным путём при поддержке большинства, прийти к власти праворадикальным силам. Поэтому демократия во многих государствах является зачастую «искусно воссозданной формой скрытой тирании» (Косов, Вовенда 2014: 173).

Даже если оставить в стороне такую крайнюю точку зрения, объективное возрастание ожиданий населения от демократии, усложнение её понимания как политического режима и гражданского механизма усиливает трудности регулирования интересов разных стран внутри Европейского союза и их соотнесения с потребностями самого объединения. Брюссель пытается достигнуть «консенсуса ... позиций вокруг общего видения и текущих приоритетов развития между теми группами интересов, которые считают себя в выигрыше от интеграции, и теми, кто числит себя проигравшими», что в результате приводит к нарастанию «конфликтной европеизации» массовой политики (Семененко, Прохоренко 2015: 30).

Именно этот пласт трудностей создает благодатную почву для проявлений правого популизма в формате «новых протестных партий гибридного типа». Например, усиление влияния в Европарламенте таких партий как Партия независимости Соединённого Королевства (ПНСК) на выборах 2014 г. и фактической её преемницы Партии Брекзита под руководством Н. Фараджа в 2019 г., создаёт ситуацию, при которой решения подобных правопопулистских сил, принятые на уровне ЕС, вынуждены выполнять национальные правительства. Такое положение дел провоцирует возникновение кризисов, подобных Брекзиту.

Опасность популизма в данном случае кроется в размывании представлений о традиционных демократических партиях, которые в ответ на угрозу популизма начинают заимствовать его лозунги, подретушировав их и встроив в свои избирательные платформы. Такая ситуация привела к тому, что «разделение на “правых” и “левых” не отражает современных реалий потому, что стирается роль идей и идеологий, их вытесняют сиюминутные политические предпочтения и актуальная социальная повестка» (Семененко 2019: 17).

В Брюсселе, понимая наличие указанных проблем, проводят анализ общественного мнения по названным показателям. Например, по данным «Евробарометра» 2004 г., когда состоялось самое масштабное расширение ЕС, именно «новички» указали бюрократию в качестве «побочного продукта» Евросоюза – 27 % против 22% из ЕС-15²⁴. В 2010 г. произошло незначительное снижение значимости этого показателя – до 21% опрошенных²⁵.

²⁴ Eurobarometer Spring 2004 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb61/eb61_en.pdf (accessed 20.12.2020)

²⁵ Eurobarometer 74. Autumn 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb74/eb74_publ_en.pdf (accessed 20.12.2020)

В последующие годы бюрократия, что симптоматично, уже не фигурировала в качестве самостоятельного элемента в «Евробарометре», уступив место другим более значимым, с точки зрения Еврокомиссии, элементам, ослабляющим единство Союза. Среди других переменных для выявления общественного мнения выступает задаваемый службой «Евробарометра» вопрос о том, как жители стран Евросоюза оценивают влияние голоса своей страны при принятии решений на уровне объединения. По данным «Евробарометра» за 2009 г., когда большинство стран уже ощутили на себе влияние экономического кризиса, на 8% (с осени 2008 г.) до 53% увеличилась доля тех респондентов, по мнению которых голос их страны не учитывается на уровне ЕС²⁶.

Тройку стран, в которых отмечен такой результат, представляют Великобритания (19%), Чехия (22%) и Румыния (24%); среди стран с обратным результатом Дания (65%), Швеция (58%) и Нидерланды (56%)²⁷. Экономические трудности, помноженные на традиционный скептицизм (Великобритания) и трудности вступления и адаптации (Чехия, Румыния и другие) обусловили отмеченные итоги, однако, увеличение пропорции тех граждан, которые указали на «разрыв» интересов Брюсселя и их национальных государств, представляется показательным.

Концепт демократии в динамике в указанной социологической службе Евробарометра в целом вызывает стабильную поддержку населения. Например, осенью 2013 г. респонденты назвали «демократию» третьей по значимости ценностью (30%), связанной с Европейским союзом, хотя позиции этого элемента стали на 7% ниже по сравнению с весенним опросом 2012 г.²⁸ В 2018 г. «демократия» получила 27%²⁹, что продемонстрировало устойчивый, но невысокий уровень поддержки этой ценности населением ЕС.

Согласно предварительным данным «Евробарометра» за 2019 г., ситуация заметно изменилась. 55% европейцев заявили, что они удовлетворены тем, как работает демократия. Это самый высокий показатель с осени 2004 г., в то время как число «неудовлетворённых» сократилось до 36%³⁰. Хотя рост наметился не только по обозначенному, но и по другим показателям ЕС, с уверенностью констатировать преодоление Евросоюзом кризисных тенденций в этой области возможно только в динамике.

²⁶ Eurobarometer 71. Public Opinion in the European Union. 2009 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb71/eb71_std_part1.pdf (accessed 20.12.2020)

²⁷ Ibid.

²⁸ Standard Eurobarometer 80. Autumn 2013. European Citizenship [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb80/eb80_citizen_en.pdf (accessed 20.12.2020)

²⁹ Standard Eurobarometer 89. Spring 2018. European Citizenship [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4148 (accessed 20.12.2020)

³⁰ Spring 2019 Standard Eurobarometer: Europeans upbeat about the state of the European Union – best results in 5 years. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_4969 (accessed 20.12.2020)

Правый популизм, иммиграция и исламофобия

На сегодняшний день антииммиграционная риторика является ведущим двигателем правопопулистской пропаганды и отражает возросшую значимость фундаментального противопоставления в контексте «мы и они». Популисты критикуют национальные власти и Брюссель, обвиняя их в «необдуманной» иммиграционной политике и попытках заработать голоса за счёт приезжих (Yimlaz 2012) и требуя «сплотить ряды» перед «противником» (Осколков 2019а: 85; Функе, Ренсманн 2004: 76).

Проблема иммиграции является одной из важнейших для стран Евросоюза и находится как в плоскости ограничения и регулирования потоков въезжающих людей (и определении предпочтительности их квалификации для экономики страны и численности с точки зрения демографических трудностей), так и в плоскости интеграции мигрантов. Продолжающийся приток мигрантов вызывает негативную реакцию населения – от враждебно сдержанной до агрессивно-воинственной. Согласно одному из отчётов социологической организации Nat Cen, более четверти британцев, например, признают, что они имеют «расовые предрассудки» и, как отмечается в докладе, эта цифра, скорее всего, занижена, учитывая, что «предубеждение обычно не воспринимается как положительная характеристика»³¹. Более того, 40% британцев считает, что некоторые этнические группы «рождаются менее трудолюбивыми», а каждый пятый убеждён, что они «рождаются менее умными»³².

Иммиграция вызывает культурные проблемы и проблемы безопасности, а также страх перед массовым перемещением. Диспропорции в экономическом и демографическом развитии Севера и Юга, и, как следствие, усиление миграционных потоков актуализируют вопросы, связанные с будущим ЕС (Седлов 2016: 18-19). Особое неприятие, транслируемое посредством правопопулистских лозунгов и риторики, вызвано ростом численности мусульманского населения. Эксперты даже призывают сделать антиисламскую риторику одним из маркеров правого популизма (Hamid 2019).

Следует заметить, что от антиисламских настроений страдают не только страны с выраженным колониальным прошлым, но и достаточно гомогенные государства (Eatwell, Goodwin 2018: 113). Так, если в 2010 г. численность лиц иностранного происхождения, исповедующих ислам, в странах ЕС составляла 3,8% от общего состава населения союза, то в 2016 г. – 4,9%³³. Такой рост количества иммигрантов объясняется последствиями «арабской весны»: беспорядки

³¹ Bloomfield S. Is Britain ready for a populist premier-minister? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/boris-johnson-populism-conservatives-far-right> (accessed 20.12.2020)

³² Ibid.

³³ Europe's Growth Muslim Population [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (accessed 20.12.2020)

и боевые действия в странах Ближнего Востока вызвали массовую эмиграцию. Это, в свою очередь, добавило утечку квалифицированных кадров в развитые европейские страны к существовавшим проблемам региона (безработица, низкий уровень жизни, экологические проблемы и др.).

В сознании европейцев сложился и укоренился ряд страхов, связанных с исламом и выходцами из арабских стран, исповедующих эту религию. К таковым относится её восприятие как воинствующей религии, угрожающей потерей национальной идентичности, усилением социально-экономических трудностей и увеличением проблем безопасности. В политический и общественный обиход в странах ЕС вошёл термин «социальный туризм», применяемый к тем категориям граждан, которые не работают, а живут на пособия. Реакция общества и неспособность или невозможность самих иммигрантов включиться в принимающее сообщество приводят к их маргинализации, в том числе через методичную и последовательную дискредитацию их образа, несмотря на господствовавшую в странах ЕС в течение длительного времени концепцию мультикультурализма.

Мультикультурализм был направлен на социализацию в европейском сообществе представителей разных этнических и религиозных групп на основе принципов взаимного уважения и свободы совести (Канарш 2011: 36). В реальности такой подход привёл к созданию «общества в обществе» или феномену «самосегрегации». Мигранты не чувствовали необходимости интегрироваться, так как общались с единоверцами на родном для них языке, работали у «своих», посещали «свои» кафе и магазины, свободно исповедовали свою религию, придерживались своих традиций, постоянно держали связь с родиной посредством технических средств и социальных сетей (Абдулрахман 2012: 44). Доступные же мигрантам преимущества европейского образа жизни часто оказываются недостаточной компенсацией за физический разрыв с родной культурой. Например, в Великобритании 70% мусульманских женщин – это безработные, во Франции, если женщины носят платок, то им сложно получить работу в государственных учреждениях из-за запрета на ношение «заметных религиозных символов» (Hamid 2019). Происходит разрыв между невозможностью полностью отказаться от своих религиозных практик мигрантами мусульманского происхождения и способностью европейских государств принять эти нормы на юридическом и ценностном уровне.

Острота и важность иммиграционной проблемы актуализирует возможность обращения к теории «вызов-ответ» британского историка и философа А.Дж. Тойнби. В этой концепции выделяются такие этапы развития цивилизации как генезис, рост, надлом и упадок. Движущей силой развития является ситуация «вызова», с которой «творческое меньшинство» должно справиться, то есть найти «ответ» для дальнейшего развития своей культуры. Если наплыв мигрантов рассматривать как «вызов» Западной цивилизации, то современная ситуация может выступать как непосредственный поиск «ответа» «творческим меньшинством» или евроэлитой, благодаря которому общество движется впе-

рѣд, пока не встретит очередной «вызов». На данный момент всплески антииммиграционных настроений и исламская радикализация молодежи в отдельных странах ЕС являются показателем того, что «ответ» на такой серьёзный «вызов» для европейской цивилизации пока ещё не найден. Это объясняется во многом тем, что «творческое меньшинство» как движущая сила развития ещё не сформировалось.

Прибытие же новых беженцев, несмотря на спад их численности в последние годы, не всегда находит понимание и оправдание в глазах европейского населения. Отчасти сохраняющееся неприятие объясняется медленной социализацией мигрантов, которой дополнительно препятствуют культурные «установки» самих мигрантов. Так, отказ от социализации и агрессивное поведение по отношению к принимающей стороне можно рассматривать как «ответ» или «мсть» европейским странам, лидеры которых поддержали военные действия на территории Ближнего и Среднего Востока (Добаев 2008: 137-138; Захарова 2018: 249).

Европейские страны отреагировали на происходящие процессы не только отказом от мультикультурной стратегии, но и смещением акцентов в миграционной политике с «либеральных принципов и предпочтений» (Седлов 2016: 18-19) к защитным методам регулирования миграции и ужесточению политики по получению пособий. Такой курс вряд ли сможет дать ожидаемый эффект в краткосрочной перспективе, но в средне- и долгосрочной динамике изменения возможны, однако, на фоне демографических проблем в странах ЕС предсказать их темпы и характер является труднодостижимой задачей.

В 2017 г. Еврокомиссия провела специальное исследование, опубликованное под названием «Интеграция иммигрантов в Европейском союзе»³⁴. Согласно его результатам, только 37% европейцев считают, что «хорошо осведомлены о вопросах, связанных с иммиграцией и интеграцией». Респонденты также склонны переоценивать число иностранцев из стран, не входящих в ЕС: в 19 из 28 государств-членов оценочная доля иммигрантов вдвое превышала фактическую долю, а в некоторых странах это соотношение оказалось намного выше³⁵.

Отчёт зафиксировал также наличие предрассудков против мигрантов. В среднем по ЕС, 23% опрошенных заявили, что не хотели бы иметь дело с иммигрантом-менеджером, 23% – как с членом семьи, 20% – как с врачом, 18% – как с соседом, 14% – как с коллегой, 14% – как с другом. Наиболее сильными эти предрассудки оказались в Венгрии (73%), Болгарии (67%) и Чехии (64%)³⁶.

³⁴ Special Eurobarometer 469. Integration of immigrants in the European Union [Электронный ресурс]. URL: file:///T:/Users/%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C/Downloads/ebs_469_en.pdf (accessed 20.12.2020)

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

Такое критическое отношение к иммигрантам в странах Восточной Европы, в которых доля иностранцев крайне низка³⁷, связано как с последствиями введения системы квот при попытке разрешить миграционный кризис в 2015 г., так и с попытками руководством этих стран играть на сложившейся ситуации в своих интересах. Например, в Венгрии на парламентских выборах 2010 г. «Фидес» успешно разыграла антииммиграционную карту наряду с националистической риторикой о великой Венгрии. В последующий период лидер партии и страны В. Орбан продолжил акцентировать христианские ценности как интегрирующий фактор не только венгерского населения, но и «Единой Европы»³⁸. Из такой установки следует оградительная и антииммиграционная политика венгерского государства. Мигранты репрезентируются в обществе как фактор, который при определённых обстоятельствах способен разрушить мирную повседневность страны. Показательным является строительство стены на границе с Сербией в самый пик миграционного кризиса в 2015 г. и возведение новых заграждений в 2017 г.³⁹.

В Чехии миграционный вопрос также вызывал острую реакцию руководства и населения. Война в Сирии и общая напряжённость в регионе Ближнего и Среднего Востока вызвала наплыв мигрантов. В середине 2015 г. в стране прошла серия пикетов и маршей протеста. Одной из громких акций стал баннер футбольной команды «Яблонец», в которой в метафоричной форме транслировался призыв к репатриации мигрантов (Терновая, Багаева 2016: 294). Доминирующие в парламенте правопопулистские партии разной степени радикальности занимают резко негативную позицию в отношении иммиграции. В частности, АНО декларировало закрытие границы в качестве главной меры по урегулированию миграционной проблемы⁴⁰. Другая правопопулистская партия «СПД» в программе 2018 г. заявляла об опасности для чешской нации со стороны иммигрантов, а также призывала к полному отказу от принятия беженцев, обосновывая это возможностью создания «пятой колонны» в рядах прибывающих сирийцев⁴¹.

В Польше проблема мигрантов стоит не так остро. Хотя в силу географического положения страны основные потоки миграционного кризиса 2015 г. не оказали существенного влияния на внутреннюю жизнь страны, правопопу-

³⁷ По данным Евростата, в 2017 г. в Чехии насчитывалось 51 тыс. мигрантов, в Венгрии – 68 тыс. мигрантов, в Польше – 209 тыс. иностранцев. Immigration by age group, sex and citizenship [Электронный ресурс]. URL: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_imm1ctz&lang=en (accessed 20.12.2020).

³⁸ Orbán Viktor beszéde a keresztényüldözésről szóló nemzetközi konferencián [Электронный ресурс]. URL: <http://www.miniszterelnok.hu/orban-viktor-beszede-a-keresztenyuldozesrol-szolo-nemzetkozi-konferencian/> (accessed 20.12.2020).

³⁹ Hungary plans new border fence to stop migrants [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euronews.com/2017/02/27/hungary-plans-new-border-fence-to-stop-migrants> (accessed 20.12.2020).

⁴⁰ TednebonikdyTenediný program, kterýpotřebujete [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20180912131308/https://www.anobudelip.cz/cs/volby/program/> (accessed 20.12.2020).

⁴¹ Politickýprogram SPD. *spd.cz*. [Электронный ресурс] URL: <https://www.spd.cz/program> (дата обращения: 20.12.2020).

листские силы пытаются играть на этом вопросе. Так, в программе коалиции «Свобода и независимость» содержались призывы к ограничению потока иммигрантов, их ассимиляции в польском обществе и резкая критика мультикультурализма⁴².

Что касается исламского фактора, то мусульманская община в Польше традиционно одна из самых малочисленных в Европе (35 тыс. верующих или 0,1% от всего населения⁴³), поэтому в польской культурной памяти не сложилось резко отрицательной коннотации по отношению к представителям ислама. Более того, доминирование католической церкви на территории Польши сыграло важную роль в процессе урегулирования миграционного кризиса 2014-2016 гг. В отличие от других европейских стран, в Польской Республике прислушались к Ватикану и призыву Папы Римского Франциска к мирному урегулированию конфликта и помощи беженцам. В частности, ряд епископов Римской церкви принимали в своих домах мигрантов, пытаясь наладить связи между приезжими и местным населением (Шабацюз 2018: 97).

Однако на фоне резкого увеличения беженцев в 2015 г. изменилось отношение к ним со стороны населения. Если мае 2015 г. только 14% респондентов выступали за приём беженцев, а 58% давали согласие на предоставление им временного убежища, то в январе 2016 г. рейтинг социального доверия к нелегалам резко упал: их были готовы принять только 4% респондентов и 37% считали возможным временное пребывание мигрантов на территории Польши (Шабацюз 2018: 94).

В странах Евросоюза со значительным процентом иностранного населения ситуация обстоит несколько иначе. Например, в Великобритании ПНСК с самого начала своего существования выступала против иммиграции не в связи с мусульманским фактором как таковым, а увязывала выход из Евросоюза с выходом из миграционной политики ЕС в целом. С этим же тезисом выступал лидер Консервативной партии Д. Кэмерон, перехвативший этот популярный среди населения лозунг и использовавший его в качестве одного из аргументов в решении о проведении референдума о Брекзите.

Следует заметить, что традиционные партии Великобритании уже не первый год выступают с требованиями сокращения темпов миграции и привлечения в страну не низко-, а высококвалифицированных кадров, однако, в целом стараются воздерживаться от праворадикальных лозунгов. Хотя встречаются исключения: например, в преддверии парламентских выборов 2001 г. лидер Консервативной партии У. Хейг позволил себе ряд двусмысленных высказываний (например, что Британия становится «чужой страной»⁴⁴), которые вызвали

⁴² Piątka Konfederacji. Program Konfederacji Wolności Niepodległość [Электронный ресурс]. URL: <https://konfederacja.net/wp-content/uploads/2019/09/KONFEDERACJA-Program-Wyborczy-Polska-dla-Ciebie.pdf> (accessed 20.12.2020).

⁴³ Bayrakli E., Hafez F. European islamophobia report 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.islamophobiaeurope.com/reports/2015/en/EIR_2015_POLAND.pdf (accessed 20.12.2020). P. 426.

⁴⁴ Hague's foreignland' speech. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2001/mar/04/conservatives.speeches> (accessed 20.12.2020)

обвинения его в расизме и нативизме⁴⁵. В 2009 г. действующий тогда премьер-министр Г. Браун пообещал «британские рабочие места для британских рабочих», – лозунг, ранее встречавшийся на листовках крайне правой Британской национальной партии.

При этом следует заметить, что у правых партий Соединённого Королевства практически нет шансов на получение значительного количества мест в Палате общин из-за существующей в стране мажоритарной системы, которая, согласно закону Дюверже (Duverger 1972), ведёт к двухпартийности. По итогам выборов 2015 г. ПНСК провела в Палату общин всего лишь одного депутата, хотя набрала почти 4 млн голосов. В 2017 г. поддержка партии заметно снизилась (по причине ухода с поста лидера Н. Фараджа, заявившего, что он выполнил свою миссию, имея в виду итоги референдума 23 июня 2016 г.) – за неё проголосовало 600 тыс. чел., но в Палату общин провести депутатов не удалось⁴⁶.

Партия Брекзита, созданная в начале 2019 г. как фактическая преемница ПНСК, шла на недавние выборы в Европарламент с привлекательной программой правопопулистского толка. Лидер партии Н. Фарадж выступил с активной социальной повесткой, увязав её с миграционным курсом. С одной стороны, он сформулировал задачу «покончить с нелегальной иммиграцией и ограничить легальный въезд до 50 тыс. чел. в год», с другой стороны, предложил создать систему «справедливых баллов» при оплате труда, «слепой к этническому происхождению» и обеспечивающей «гуманный приём для настоящих беженцев»⁴⁷.

В ФРГ партия «АдГ» также увязывает социальную политику с миграционным вопросом. Согласно программным установкам партии, социальное государство может существовать только в том случае, если «его общество будет иметь чёткие границы и национальные черты»⁴⁸. Иначе говоря, граждане других европейских государств могут рассчитывать на социальные блага, доступные немецким гражданам, в равной мере лишь в том случае, если они на протяжении четырёх лет были официально трудоустроены на территории Германии и сами могут покрыть нужды на своё проживание⁴⁹.

Критика «АдГ» современной миграционной политики как Европейского союза, так и Германии, в первую очередь направлена на чёткое разделение понятий «легальный» и «нелегальный» иммигрант. В частности, речь идёт о том, что убежище в стране могут получать лишь те люди, которые являются полити-

⁴⁵ Bloomfield S. Is Britain ready for a populist premier-minister? [Электронный ресурс] URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/boris-johnson-populism-conservatives-far-right> (accessed 20.12.2020)

⁴⁶ Election 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/election/2017/results> (accessed 20.12.2020)

⁴⁷ Brexit Party manifesto 2019: A Summary of key policies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/0/brexit-party-manifesto-2019-summary-general-election/> (accessed 20.12.2020)

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. Beschlossen auf dem Bundesparteitag in Köln am 22./23. April 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (accessed 20.12.2020)

ческими или военными беженцами, а также могут подтвердить свою личность. Если ни один из этих критериев не соблюдается, иностранцы должны быть немедленно депортированы на родину⁵⁰. Другим важным предложением в данном контексте является требование о закрытии внешних границ ЕС, а также создание локальных центров приёма потенциальных иммигрантов на территории Северной Африки⁵¹.

Эта риторика отражает рост исламофобии: в 2017 г. 49% опрошенных скептически отнеслись к идее об интеграции мусульман в немецкое общество, а 23% отметили, что «она невозможна»⁵². Для сравнения: в 2014 г. лишь 21% респондентов поддерживал принудительную депортацию, тогда как 78% был настроены в отношении иммигрантов оптимистично⁵³.

Показательной является и реакция сторонников политических партий Германии за аналогичный период: 48% в целом высказались за ограничение численности мигрантов, «АдГ» – 84%, ХДС/ХСС – 51%, Левые – 42%, СДПГ – 39%, Зелёные – 29%⁵⁴. Однако накануне выборов в Бундестаг в 2017 г. лишь 17% респондентов по всей стране ожидали ухудшения миграционной ситуации⁵⁵. Эти данные соотносятся с отчётом «Евробарометра». Согласно данным 2018 г., 45% опрошенных назвали иммиграцию в числе самых важных направлений политики страны (годом ранее – 36%), на 15% опередив пункт «Вопросы экономики ЕС» и в значительной степени «Изменение климата» (21%)⁵⁶.

Австрийские правопопулистские силы разделяют единый принципиальный тезис: Австрия не является страной иммигрантов и должна отказаться от политики «слепого и бесконтрольного их приёма»⁵⁷. При этом партия не выступает за полный отказ от приёма иностранных граждан на территорию страны. Те, кто вынужден покинуть свою родину по религиозным или политическим соображениям, могут найти убежище в Австрии, но лишь на период, необходимый

⁵⁰ Programm für Deutschland. Das Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland. Beschlossen auf dem Bundesparteitag in Stuttgart am 30.04./01.05.2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2018/01/Programm_AfD_Druck_Online_190118.pdf (accessed 20.12.2020)

⁵¹ Ibid.

⁵² Einstellungen gegenüber Nationaler Identität, Einwanderung und Flüchtlingen in Deutschland. More in Common. Berlin: Morein Common. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moreincommon.com/media/bbhpjzo0/more-in-common-deutschland-zusammenfassung.pdf> (accessed 20.12.2020)

⁵³ Umfrage: Was die Deutschen über Migration denken. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fes.de/themenportal-flucht-migration-integration/umfrage-was-die-deutschen-ueber-migration-denken> (accessed 20.12.2020)

⁵⁴ Würden Sie in einer Volksabstimmung für oder gegen eine Begrenzung der Zuwanderung nach Deutschland stimmen? [Электронный ресурс]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/289427/umfrage/umfrage-zu-einer-begrenzung-der-zuwanderung-nach-deutschland/> (accessed 20.12.2020)

⁵⁵ Einstellungen gegenüber Nationaler Identität, Einwanderung und Flüchtlingen in Deutschland. More in Common. Berlin: Morein Common. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.moreincommon.com/media/bbhpjzo0/more-in-common-deutschland-zusammenfassung.pdf> (accessed 20.12.2020)

⁵⁶ Standard Eurobarometer 91.Report.Public opinion in the European Union, Fieldwork, June 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2215> (accessed 20.12.2020)

⁵⁷ Parteiprogramm der Freiheitlichen Partei Österreichs (FPÖ). Beschlossen vom Bundesparteitag der Freiheitlichen Partei Österreichs am 18. Juni 2011 in Graz [Электронный ресурс]. URL: https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/www.fpoe.at/dokumente/2015/2011_graz_parteiprogramm_web.pdf (accessed 20.12.2020)

для обеспечения защиты сохранности жизни иммигрантов⁵⁸. После победы коалиции на выборах 2017 г. эти планы нашли своё отражение в ужесточении законодательства в отношении беженцев и других категорий мигрантов⁵⁹.

«АПС» обозначает в своей платформе и резко антиисламскую позицию («Ислам не является частью Австрии»)⁶⁰, которая соответствует общим настроениям населения и даже их усиливает. Отношение к исламу в стране претерпело стремительные изменения на волне финансового кризиса 2008 г. В 2010 г. более половины респондентов (54%) были обеспокоены ситуацией с мигрантами из арабских стран, причем 75% из них считали, что ислам представляет угрозу для австрийского общества из-за своей жёстко регламентированной религиозной составляющей, коррумпированности и реакционности. Почти 10 лет спустя настороженное отношение к исламу сменилось на резко критичное: около 80% опрошенных газетой *Kleine Zeitung* не только резко негативно воспринимают ислам, но и считают, что мигранты-мусульмане не должны иметь равные права с гражданами, исповедующими другие религии⁶¹.

Аналогичная ситуация наблюдается в Швеции. Одним из центральных элементов программы «Шведских демократов» является активная критика политики мультикультурализма, толерантности и либеральных ценностей, которые повлекли за собой разрушение шведской социальной модели через поощрение массовой иммиграции⁶². В 2014 г. 44% респондентов отмечали, что количество иностранцев в стране очень выросло в последние годы, а 16% опрошенных отмечали, что взгляды и идеи «Шведских демократов» в отношении иммиграционной политики являются наиболее удачным решением назревшей проблемы⁶³.

Симптоматично, что «Шведские демократы» рассматривают именно мигрантов-мусульман как основных виновников роста преступности в стране. В исследовании Университета Евле 2019 г. 95% опрошенных отметили, что ислам является религией, которая оказывает негативный эффект на гражданские права и свободы в стране. 87% выразили мнение, что мигранты должны прикладывать больше усилий к скорейшей адаптации и интеграции в местные сообщества⁶⁴. На парламентских выборах 2018 г. 18% голосов было отдано за «Шведских демократов», ставших третьей по численности партией Риксдага с

⁵⁸ Österreicher verdienen Fairness. Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf (accessed 20.12.2020)

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Österreicher verdienen Fairness. Freiheitliches Wahlprogramm zur Nationalratswahl 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fpoe.at/fileadmin/user_upload/Wahlprogramm_8_9_low.pdf (accessed 20.12.2020)

⁶¹ Mehrheit der Österreicher sieht Islam kritisch [Электронный ресурс]. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000109103695/mehrheit-der-oesterreicher-sehen-islam-kritisch> (accessed 20.12.2020)

⁶² Sweden Democrats tap into immigration fears [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-29202793> (accessed 20.12.2020)

⁶³ Survey: Swedes split on immigration [Электронный ресурс]. URL: <https://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2054&artikel=5855850> (accessed 20.12.2020)

⁶⁴ Over 90 Percent of Swedes think Islam is incompatible with human rights [Электронный ресурс]. URL: <https://voiceofeurope.com/2019/06/over-90-percent-of-swedes-think-islam-is-incompatible-with-human-rights/> (accessed 20.12.2020)

62 представителями – всего на два места их опережают представители умеренных сил, а лидируют по этому показателю социал-демократы – 101 место⁶⁵.

Антииммиграционную риторику давно и успешно использует правая партия М. Ле Пен во Франции. Заметное усиление позиций лидера «Национального фронта» в первом туре президентских выборов во Франции в апреле 2017 г. заставило некоторых экспертов предполагать её победу. Хотя во втором туре в мае 2017 г. произошло резкое сокращение голосов, поданных за правых, в пользу либерально-центристского движения Э. Макрона «Вперед, Республика!», такая заявка на лидерство в первом туре просигнализировала о запросе общества на радикальные реформы, которые содержались в программе Ле Пен. В предвыборной платформе шла речь о выходе из Еврозоны, сокращении иммиграции как неременного условия повышения уровня безопасности Франции и необходимости возвращения суверенитета на национальный уровень по таким вопросам как границы и экономическое регулирование⁶⁶. Среди одной из значимых причин популярности правопопулистских сил во Франции является провал интеграционной политики в целом и миграционный кризис 2014–2016 гг. в частности (Захарова 2018: 249; Рубинский 2017).

Летом 2018 г. лидер «Национального фронта» заявила о переименовании партии в «Национальное объединение». Такое решение М. Ле Пен объяснила необходимостью сплотить ряды в преддверии очередных выборов в Европарламент. Такая стратегия частично оправдала себя – на выборах в ЕП-2019 г. правые набрали 23,5% голосов против 22,5% у центристских сил⁶⁷. Впрочем, примерно такой же процент голосов партия набрала на выборах 2014 г., что свидетельствует об отсутствии заметных изменений и необходимости обновления стратегии.

В сентябре 2017 г. во Франции была основана ещё одна правопопулистская партия «Патриоты» во главе с Ф. Филиппо, занимавшим пост вице-президента в «Национальном фронте». Новая партия с численностью несколько тысяч человек выступает за прекращение массовой иммиграции и полный выход из Евросоюза. Развивая эти идеи, лидер партии указывает на необходимость более глубокого сотрудничества с африканскими странами с тем, чтобы содействовать снижению эмиграции их населения⁶⁸. Как видно, новое движение выстраивает свою риторику на основе сплава умеренных и правопопулистских ло-

⁶⁵ Sweden Democrats tap into immigration fears [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-29202793> (accessed 20.12.2020)

⁶⁶ French Presidential Elections 2017. Macron-Le Pen Presidential Platform Comparison [Электронный ресурс]. URL: <http://graphics.france24.com/macron-le-pen-platform-comparison-presidential/> (accessed 20.12.2020)

⁶⁷ French far-right National Rally beats Emmanuel Macron's centrists at European elections [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/europe-election-results-france-marine-le-pen-macron-national-front-rally-latest-a8931361.html> (accessed 20.12.2020)

⁶⁸ Les patriots: What you need to know about France's newest far-right party [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thelocal.fr/20180219/les-patriotes-florian-philippot-what-you-need-to-know-france-newest-far-right-party> (accessed 20.12.2020)

зунгов, чтобы отколоть электорат как от традиционных партий, так и от своих главных конкурентов.

По предварительным данным «Евробарометра» за 2019 г., 34% опрошенных считают иммиграцию главной проблемой ЕС. За ней следуют экономическая ситуация (18%), состояние финансовой системы (18%), терроризм (18%) и защита окружающей среды (13%)⁶⁹. Таким образом, миграционный фактор по-прежнему занимает важное место в правопопулистской риторике, и его ослабление в кратко- и долгосрочной перспективе не ожидается. Скорее наоборот, можно прогнозировать усиление его важности в повестке дня не только в Великобритании, Франции, ФРГ и других странах с заметной долей мигрантов, но также в государствах, для которых миграционная проблема является инструментом укрепления своего влияния на национальном уровне или уровне ЕС. В то время как традиционные политические силы пребывают в состоянии раскола и затянувшегося поиска новой стратегии, правопопулистские силы заполняют возникшую паузу, интегрируясь в ядро партийно-политических систем и властные структуры.

Правый популизм и европейская идентичность

Среди других важных составляющих популистской риторики выступает европейская идентичность. В данном случае правый популизм выступает как фактор, препятствующий формированию и укреплению общеевропейского самосознания, или, более корректно, идентичности Европейского союза⁷⁰.

Еврокомиссия с начала 1970-х гг. проводит замеры этой системообразующей категории на основе среза самоотождествления населения с Европейским союзом. В Белой книге Евросоюза 2017 г. было зафиксировано, что только две трети жителей идентифицируют себя с «Единой Европой», и эта поддержка больше не является безусловной⁷¹. Ряд внутри- и внешнеполитических кризисов на фоне растущего этнического разнообразия, исламофобии, демографического кризиса и кризиса сложившейся после Второй мировой войны социальной модели вызывают дискомфорт и растерянность у значительной части электората.

Другие причины кроются в проблеме коллективной памяти. Существование не до конца от-refлексированной в разных странах Евросоюза исторической травмы является благодатной почвой для популистских настроений. В ри-

⁶⁹ Spring 2019 Standard Eurobarometer: Europeans upbeat about the state of the European Union – best results in 5 years [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_4969 (accessed 20.12.2020)

⁷⁰ Оговоримся, что европейская идентичность – понятие весьма широкое, она не является характеристикой, присущей лишь жителям ЕС, поскольку не все европейские страны входят в состав Евросоюза. Поэтому нам представляется наиболее уместным и корректным использование термина «идентичность ЕС».

⁷¹ White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU27 by 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (accessed 20.12.2020)

торике практически всех правых сил прослеживается обращение к событиям в истории государств, спровоцировавших историческую травму. В частности, в Германии радикальные правопопулистские партии в своих программах поднимают тему забвения событий Второй мировой войны и Холокоста. Например, по мнению немецких политологов Х. Функе и Л. Ренсманна, распространение стереотипов о «еврейском поведении» провоцирует антисемитизм в обществе и искажает историческую память немцев по отношению к событиям Второй мировой войны (Функе, Ренсманн 2004: 87-88).

В странах Восточной Европы распространённой является демонизация советского наследия, прослеживается желание руководства этих стран, оттолкнувшись от негативного опыта и «образа врага» в лице не только СССР, но и его правопреемницы РФ, сконструировать свою собственную идентичность и встроиться в западный блок. Для этого правопопулистские силы используют реваншистскую риторику об «избранности и величии» восточноевропейских народов (Tismaneanu 2009: 36) и рисуют в сознании граждан отдельных стран региона идеальную модель досоветского прошлого, которая подаётся как «золотое время» для народа. В силу усложнения социальной, экономической и политической систем общества для части населения такая реконструкция прошлого является притягательной в риторике правопопулистов. В результате правый популизм направлен на «восстановление» прошлого, а не на совершенствование настоящего.

На руку правопопулистским силам работает и усиление национального начала в противовес общеевропейскому. Сам проект «Единой Европы» должен был стать ответом на кризис национального государства, однако, в последние годы наблюдается ренессанс наций и национализма как ответ на быстрые темпы и агрессивное проявление глобализации, а также рост негативных тенденций внутри интеграционного проекта ЕС. Включение защитных механизмов национальных государств привело к обострению национальных чувств, в том числе в их крайнем проявлении, выраженном в росте сепаратистских и евро-скептических настроений.

Всё это свидетельствует о глубоком кризисе европейской цивилизации, катализатором которого является приход к власти правопопулистских партий в ряде стран Евросоюза, играющих на противоречиях между национальными государствами и Брюсселем. По меткому замечанию Ал.А. Громыко, «история Европейского союза является историей кризисов», которые до первой половины 2000-х гг. рассматривались как «созидательное разрушение» (Громыко 2017: 209). Со временем Брюссель столкнулся с лавинообразным характером кризисных тенденций, связанных с центробежными тенденциями, усилением популистских сил, сохраняющейся угрозой террористических атак и проблемой Брекзита. На этом фоне можно говорить об определённом «надломе» европейской цивилизации при внятном отсутствии «ответа» на миграционный, интеграционный и системный вызовы Евросоюза.

Возникают фундаментальные по своей значимости вопросы: кто должен непосредственно распутывать этот клубок противоречий: руководство ЕС или лидеры отдельных стран? Кто станет движущей силой, которая сможет найти «необходимый ответ» европейской цивилизации и избежать усиления её надлома? Каким образом можно безболезненно совместить для обеих сторон интересы как Брюсселя, так и национальных государств и избежать появления подобных Брекзиту событий?

Требуется координация усилий всех заинтересованных сторон при опоре на уже имеющийся опыт, который Брюссель стремится использовать, отслеживая реакцию населения как на достижения, так и на проблемы Евросоюза. Так, в динамике отношение жителей союза к идентичности ЕС остается практически стабильным и заметно уступает идентификации с другими уровнями коллективного самосознания. Например, в «Евробарометре» за 2012 г. подавляющее большинство европейцев (91%) соотносили себя со своим национальным государством. Это отождествление наиболее сильным являлось в Греции (99%), Дании (98%) и Польше (97%)⁷². С Евросоюзом себя ассоциировали только 46% населения против 52% опрошенных⁷³. В 2018 г. эти данные заметно не изменились. 93% населения в среднем по ЕС отнесли себя к гражданам своей страны и только 56 % – к Европейскому союзу⁷⁴.

На примере экономического и политического локомотива Евросоюза – ФРГ прослеживается усиление правопопулистских сил на фоне кризиса традиционных партий и до сих пор не преодоленной исторической травмы немецкого общества (Камкин 2015; Щербаков 2016; Подрезов 2017: 152-165). Риторика о величии нации соотносится с реваншистскими тенденциями к забвению негативных для общества воспоминаний, что характерно также и для Австрии (Бадаева 2018).

Отношение «АдГ» к вопросам миграции в контексте немецкой идентичности на современном этапе многими исследователями описывается как «неприкрытый расизм и ксенофобия» не только по отношению к приезжим, но также и к гражданам Германии с иммигрантским прошлым (Gaisbauer et al. 2019: 113; Захарова 2019: 227). Такого рода настроения в партийных кругах выражают лозунги об «уничтожении немецкого народа», «разрушении нации», «смерти германской нации» из-за наплыва иностранцев (Hamid 2019: 110). «АдГ» понимает немецкий народ как единую нацию с общей судьбой, которая находится на грани вымирания из-за воздействия на него разных культур⁷⁵.

⁷² Standard Eurobarometer 77. Spring 2012. European Citizenship Report. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb77/eb77_citizen_en.pdf (accessed 20.12.2020)

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Standard Eurobarometer 89. Spring 2018. European Citizenship [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4148 (accessed 20.12.2020)

⁷⁵ Soldt R. Ein Beamter mit geringer Neigung zur Mäßigung [Электронный ресурс]. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/afd-abgeordneter-thomas-seitz-geringe-neigung-zur-maessigung-15736301.html> (accessed 20.12.2020)

Эта риторика поддерживается населением. Согласно одному из опросов общественного мнения, незадолго до начала активной деятельности «АдГ», в 2012 г. 2% респондентов социологического агентства *Statista* называли себя «немцами» и только 19% – «европейцами»⁷⁶. Стоит отметить, что эти показатели на протяжении последующих лет претерпели незначительные изменения, которые ещё отчетливее заметны на фоне национальных докладов Европейской комиссии: на волне финансового и миграционного кризиса вера в институты и ощущение значимости голоса своей страны в ЕС колебалась лишь в период наиболее острой фазы иммиграционного кризиса (весной 2015 г. 58% немецких респондентов позитивно оценивали себя и свой голос в рамках ЕС, тогда как в течение года, осени 2015 и весны 2016 гг., кредит доверия упал сначала до 49%, а затем до 47%)⁷⁷. В течение последующих лет был замечен позитивный эффект: осень 2016 г. – 55%, осень 2017 г. – 65%, а осенью 2018 г. число достигло 70%⁷⁸.

Например, в Австрии приверженность ценностям Сообщества остаётся высокой на протяжении всего последнего десятилетия. После относительного падения во время мирового финансового кризиса 2008 г. процент опрошенных, считающих себя частью ЕС, неуклонно рос вплоть до начала миграционного кризиса 2015 г., когда приверженность ценностям Сообщества снизилась на 9%⁷⁹, однако уже в 2016 г. наметился новый рост солидарности с Европейским союзом. Весной 2018 г. 77% респондентов ответили, что чувствуют себя частью ЕС⁸⁰.

Пример Франции демонстрирует устойчивое сопротивление большей части населения праворадикальному вызову, однако, периодические всплески поддержки партии М. Ле Пен и других правопопулистских сил выступают не только как сигналы властям о недовольстве в обществе, но и совпадают с глубокими общественными кризисами (экономическим, политическим и кризисом идентичности) (Канинская 2018). Реакцией на рост влияния популистов стала консолидация партий, «выступающих с позиции здравого смысла» и развития интеграционных процессов. Наиболее показательным в данном случае является пример стран Восточной Европы (в первую очередь, Польши и Венгрии), в которых пребывание популистов у власти способствовало росту евроскептических настроений с 24 до 44% (Борко 2017: 141).

⁷⁶ Fühlen Sie sich eher als Deutscher oder eher als Europäer? [Электронный ресурс]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/235690/umfrage/umfrage-zum-identitaetsgefuehl-der-deutschen/> (accessed 20.12.2020)

⁷⁷ Standard Eurobarometer 90 – Nationaler Bericht, Deutschland. Herbst 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/search/national%20report/surveyKy/2215> (accessed 20.12.2020)

⁷⁹ Ibid.

⁷⁹ Standard Eurobarometer 83 – European Citizenship, Spring. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2099> (accessed 20.12.2020)

⁸⁰ Standard Eurobarometer 89. Spring. 2018. European Citizenship [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_4148 (accessed 20.12.2020)

Страны Бенилюкс представляют не менее любопытный и показательный, чем другие страны, пример усиления популистских настроений. Уникальность исторического пути и особая идеологическая направленность политических элит каждой из стран (Осколков 2017) обусловила их движение – с разной степенью интенсивности и проявления – к радикализации массовых настроений и укреплению правых сил. В Бельгии, например, такая ситуация стала возможной на фоне процессов сецессионизма, примером которого является стремление правых популистов добиться независимости Фландрии (Осколков 2019с).

«Молодые» участники ЕС из восточноевропейского региона до сих пор в полной мере не встроились в политический и идейно-философский ландшафт «Единой Европы» (Медушевский 2007; Медушевский 2018). Именно на этих временных трудностях интеграции успешно играют партии правопопулистского толка. Например, в Венгрии длительное время партии «Фидес» и «Йоббик» являются жёсткими евроскептиками, увязывая свою позицию с антимиграционной риторикой⁸¹. Хотя за последнее десятилетие позиция венгерского лидера претерпела заметную эволюцию от жёстких заявлений (объявление войны ЕС, «битва с Брюсселем») до относительно умеренной критики миграционного вопроса.

Качественно другая ситуация наблюдается в Польше, на политической арене которой идет борьба между евроскептиками и партиями, выступающим за углубление интеграционных процессов в рамках ЕС. Выборы весной 2019 г. показали как способность польских партий разного толка к объединениям, так и наличие серьёзной оппозиции для партии «Право и справедливость» со стороны объединения левых сил и левоцентристской (проевропейской) партии «Гражданская платформа». Однако согласно центру политических опросов Польши Stanpolityki.PL, 37% жителей поддерживают правопопулистские взгляды, в то время как 20% граждан выступают за «левых» и 23% считают себя центристами⁸². Такой расклад репрезентирует успешность правых популистов в глазах местного населения за счёт широкой поддержки социально уязвимых слоёв населения (многодетные, пенсионеры и т.д.) и соответствующей риторики.

Правый популизм быстро реагирует на происходящие изменения, и включение в политические программы лозунгов традиционных партий маскирует их сущность, помогает гибче адаптироваться к периодам благоприятной политической и экономической ситуации, когда, казалось бы, должно произойти ослабление их активности и популярности. На практике картина сложнее и варьируется от страны к стране, затрудняя понимание феномена правого популизма как целостного явления.

⁸¹ Orbán Viktor beszéde az európai parlamenti választás éjszakáján [Электронный ресурс]. URL: <http://www.miniszerelnok.hu/orban-viktor-beszede-az-europai-parlamenti-valasztas-ejszakajan/> (accessed 20.12.2020).

⁸² Poglądy polityczne Polaków [Электронный ресурс]. URL: <https://stanpolityki.pl/> (accessed 20.12.2020).

Демографические и иммиграционные процессы в странах Евросоюза, обещая интенсификация мобильности людей в мире стремительно меняют внешний облик городов и стран, затрудняют определение их этнической и социальной структуры и усложняют прогнозирование будущих изменений в контексте «сохранения себя» европейскими странами перед лицом глобальных вызовов. На вопрос «что есть Европа» и «кто такой европеец» становится всё сложнее ответить, ещё сложнее определить основной вектор движения «Единой Европы» и понять, не прошла ли она точку невозврата в потере национальной идентичности и самобытности.

Существующие в Евросоюзе угрозы множат страхи населения, вызывают к жизни политиков и движения либо откровенно спекулирующих на реальных и мнимых трудностях стран Евросоюза, либо пугающих скорым возникновением новых. Популисты крепко держат руку на пульсе Евросоюза и используют демократические механизмы для вхождения во власть и закрепления своих позиций. Такое положение дел актуализирует экспертные дискуссии внутри Евросоюза и за его пределами о дефиците демократии, проблеме еврократии и отрыве элит от народа. Политкорректность не срабатывает на фоне плохо скрываемой нетерпимости населения против мигрантов; наблюдается разочарование политической и экономической элиты разных уровней и от устаревших лозунгов традиционных партий, многие из которых в отдельных странах ЕС находятся в состоянии раскола и поисков нового инструментария и смыслового поля для «перезагрузки», и от действий Брюсселя.

На сегодняшний день отсутствует внятный рецепт как по минимизации угроз правопопулистских сил в политическом истеблишменте Евросоюза, так и по сокращению их давления на Брюссель и национальные правительства в средне- и долгосрочной перспективе. Некоторые эксперты считают, что как «в Салеме не было настоящих ведьм, так и в политике нет настоящих популистов – есть только люди, взгляды и движения, которых политический центр неправильно понимает и боится»⁸³. На этом основании делается вывод, что популизм обречён на провал, потому что большинство избирателей не поддержит правопопулистскую политику в действии, аргументируя это тем, что для многих жителей Евросоюза голосование за популистов во многом имеет функцию выпуска пара.

Подобного рода рассуждения имеют право на существование, однако, убедительная победа Б. Джонсона на парламентских выборах 12 декабря 2019 г. в Великобритании свидетельствует как о непредсказуемости силы правопопулистских настроений, так и многосоставном характере самого феномена. Проведённое исследование подтверждает высказанный в начале статьи тезис о том, что популизм стал органической частью демократии, проник в ткань существу-

⁸³ Baker P.C. "We the People": the battle to define populism. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/news/2019/jan/10/we-the-people-the-battle-to-define-populism> (accessed 20.12.2020)

ющей партийно-политической системы, стал неотъемлемой частью всех дискуссий на тему миграционной политики и ее идеологии и важным элементом евроскептицизма. Такой взгляд на сложившийся феномен может быть полезен с точки зрения его практического осмысления и выбора более эффективного инструментария для работы с правым популизмом как с явлением, возникновение которого оправдано и понятно, но цели которого могут поставить под сомнение само будущее европейского проекта под названием «Европейский союз».

Об авторах:

Елена Владимировна Хахалкина – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 634050, пр. Ленина, 36. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Константин Павлович Андреев – преподаватель, аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского Государственного университета. Томск, 634050, пр. Ленина, 36. E-mail: andrejew92@mail.ru

Анастасия Васильевна Мунько – магистрант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского Государственного университета. Томск, 634050, пр. Ленина, 36. E-mail: nastyamun@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Экспансия» № 19-111-50244 «Новое лицо Европы: феномен правого популизма на примере отдельных стран Евросоюза».

Received: December 23, 2019.
Accepted: October 12, 2020.

New Face of European Union: Right-Wing Populism in the EU-Countries

Elena V. Khakhalkina, Konstantin P. Andreev, Anastasiya V. Munko
[DOI 10.24833/2071-8160-2020-6-75-99-132](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-6-75-99-132)

National Research Tomsk State University

Abstract: The European Union undergoes several qualitative transformations. Today it faces major demographic changes, the distance between the EU and national states is growing because of Brexit and high rates of immigration to Europe. The configuration of mainstream parties is also transforming in an unpredictable way. All these processes bring the phenom-

phenomenon of right-wing populism to the forefront of political life of the European Union. This phenomenon was an answer both to internal and external challenges. The aim of the article is to identify the components of right-wing populism using the examples of some member-states, to show its threats and risks, as well as ways to minimize the impact of this phenomenon on all aspects of the EU life. To achieve this goal, party programs (primarily right-wing populist ones), national and European elections data, materials from the Eurobarometer and other public opinion services, speeches and interviews of leading politicians, and other materials are used. The methodological approach is based on the principles of interdisciplinarity. The authors used comparative-typological, functional and structural methods. The problems of immigration and Islamophobia in the EU are explained with the help of the civilizational concept of A.J. Toynbee. The structure of the article provides the study of the phenomenon of right-wing populism through such indicators as separation of elites from the population (including European democracy and lack of democracy), immigration (and Islamophobia), as well as the EU identity. The article provides a detailed analysis of the member-state cases including the United Kingdom, Austria, Germany, Italy, France, Sweden, the countries of Eastern Europe and others. The authors conclude that right-wing populism has dual nature, its significance in individual countries of the European Union increases, and it is deeply integrated into the party and parliamentary mechanism of European democracies.

Keywords: right-wing populism, European Union, democratic deficit, immigration, Islamophobia

About the authors:

Elena V. Khakhalkina – Dr. Sc. (History), Professor, Associate Professor, Department of New, Contemporary History and International Relations, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

Konstantin P. Andreev – Post-graduate student, Lecturer, Department of New, Contemporary History and International Relations, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: andrejew92@mail.ru.

Anastasiya V. Munko – Master's degree student, Department of New, Contemporary History and International Relations, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36. E-mail: nastyamun@mail.ru

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgment:

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR/RFFI). Project № 19-111-50244 «The New face of Europe: the phenomenon of right-wing populism on the example of individual EU countries».

References:

- Aslanidis P. 2018. Measuring Populist Discourse with Semantic Text Analysis: an Application on Grassroots Populist Mobilization. *Quality and Quantity: International Journal of Methodology*. 52(3). P. 1241-1263. DOI: 10.1007/s11135-017-0517-4
- Duverger M. 1972. *Factors in a Two-Party and Multiparty System*. Party Politics and Pressure Groups. New York: Thomas Y. Crowell.
- Eatwell R., Goodwin M. 2018. *National Populism: The Revolt against Liberal Democracy*. New York: Pelican. 384 p.
- Eiermann M., Mounk Y., Gultchin L. 2017. *European Populism: Trends, Threats and Future Prospects*. London: Tony Blair Institute for Global Change Press. 27 p.
- Falkner G., Plattner G. 2018. Populist Radical Right Parties and EU Policies: How coherent are their claims? *European University Institute – Robert Schuman Centre for Advanced Studies*. Badia Fiesolana: San Domenico di Fiesole. 45 p.
- Gaisbauer S., Korkmaz B., Jung M. 2019. Dossier: Rechtspopulismus. *Bundeszentrale für politische Bildung*. Bonn – Bundeszentrale für politische Bildung / bpb. 188 s. (In German)
- Hamid Sh. 2019. *The Role of Islam in European Populism: How refugee flows and fear of Muslims drive right-wing support*. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/02/FP_20190226_islam_far_right_hamid.pdf
- KopkeCh. 2017. Verschwörungsmymen und Feindbilder in der AfD und in der neuen Protestbewegung von rechts. *Neue Kriminal politik*. 29. Baden-Baden: Nomos Verlag. 110 s.
- Mudde C. 2004. The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. 39(4). P. 541-563.
- Moffitt B. 2013. Rethinking Populism: Politics, Mediatization and Political Style. *Political Studies*. 62(2). Iss. 2. P. 381-397. DOI: 10.1111/1467-9248.12032
- Mouffe C. 2016. Democratic Politics and Conflict. *Politica Comun*. №9. URL: <https://quod.lib.umich.edu/p/pc/1232227.0009.011?view=text;rgn=main>
- Müller J.W. 2017. *What is Populism?* Princeton: University of Pennsylvania Press. 136 p.
- Mudde C., Kaltwasser C.R. 2017. *Populism: A Very Short Introduction*. New York, Oxford: Oxford University Press. 131 p.
- Tismaneanu V. 2009. *Fantasies of Salvation: Democracy, Nationalism, and Myth in Post-Communist Europe*. V. Tismaneanu. Princeton: University of Pennsylvania Press. 256 p.
- Yimlaz F. 2012. Right-Wing Hegemony and Immigration: How the Populist Far-Right Achieved Hegemony Through the Immigration Debate in Europe. *Current Sociology*. 60(3). P. 368-381. DOI: 10.1177/0011392111426192
- Abdulrahman F.M. 2012. Problema adaptacii musul'manskih migrantov v Germanii: religioznyy aspect [The Modern Problems Connected with Religious Adaptation of Muslim Migrants in Germany]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. University news. North-Caucasian Region*. Seriya: Obshchestvennyenauki. №4. P. 43-45. (In Russian)
- Antonov A.E., Korneva L.N. 2017. Pravo-populistskieregional'nyedvizheniya v FRG [Right-Wing Populist Regional Movements in Germany]. *Vestnik KemGU- Bulletin of Kemerovo State University*. 4(72). P. 5-10. (In Russian) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-5-10
- Badaeva A.S. 2018. Avstriyskaya partiya svobody: mezhdru pravym populizmom, avstriyskim patriotizmom i nemeckim nacionalizmom [Freedom Party of Austria: between Right-wing Populism, Austrian Patriotism and German Nationalism]. *Konturyglobal'nyh transformaciy: politika, ekonomika, pravo - Outlines of global transformations: politics, economics, law*. №3. P. 53-68 (In Russian) DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-53-66

Baranov N.A. 2015. Vozrozhdenie populizma: Evropejskiy opyti rossiyskiepraktiki [The Revival of Populism: European Experience and Russian Practices]. *VestnikSPbGU - Bulletin of St. Petersburg University*, Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. №3. P. 25-36 (In Russian)

Belinskiy A.V. 2017. Zreyut «grozd'ya gneva»: vsplesk pravogo populizma v Evrope i krizis liberal'noy demokratii [Grapes of Wrath: The Surge of Right-Wing Populism in Europe and the Crisis of Liberal Democracy]. *Evropejskay abezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy – European Security: Events, Estimates, Forecasts*. 46(62). P. 9-6. (In Russian)

Belinskiy A.V. 2018. Pravyj populizm i krizis starogo miroporyadka [Right-wing Populism and Crisis of the Old World Order]. *Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy – European Security: Events, Estimates, Forecasts*. 51(67). P. 8-11. (In Russian)

Borko Yu.A. 2017. Evrosoyuz v XXI v.: ottriumfa k vyzhivaniyu? [The EU in the 21st Century: From Triumph to Survival?]. *Evropa XXI veka. Novyevyzovyi riski*. Pod obshchey redakciey Al.A. Gromyko, V.P. Fyodorova. Moscow, Saint Petersburg. P. 123-144. (In Russian)

Gromyko Al.A. 2017. O nasushchnom: Evropa I sovremenniy mir [On the Urgent: Europe and the Modern World]. Moscow, Saint Petersburg: Nestor Istoriya. 232p. (In Russian)

Dobaev I. 2008. Islamizaciya Evropy: mifilireal'nayaugroza? [Islamization of Europe: Myth or Real Threat?]. *Rossiya I musul'manskij mir – Russia and the Moslem world*. №9. P. 131-144. (In Russian)

Kamkin A.K. 2015. "Al'ternativadlya Germanii" kak novyj element partijnogo landshafta ["Alternative for Germany" as a New Element of Party Landscape]. *Sovremennaya Evropa - Contemporary Europe*. 2(62). P. 118-122. (In Russian)

Kanarsh G.Y. 2011. Filosofskie teorii mul'tikul'turalizma [Philosophical Theories of Multiculturalism]. *Znanie. Ponimanie.Umenie - Knowledge. Understanding. Skill*. №2. P. 33-41. (In Russian)

Kaninskaya G.N. 2018. Metabolizmy pravogo populizma vo Francii XXI veka [The Metabolism of the Right Populism in France of the 21st Century]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, parvo - Outlines of global transformations: politics, economics, law*. №3. P. 85-101 (In Russian) DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-85-101

Klinova M.V. 2019. Nacionalisticheskie ily v Evroparlamente-2019 [Nationalist forces in the European Parliament 2019]. *Vybory v Evroparlament - 2019. Nacional'nye otvety na dilemmy evropeyskoy integracii* [European Parliament Elections 2019: National Responses to the Dilemmas of European Integration]. Pod red. Yu.D. Kvashnina, A.K. Kudryavceva, N.S. Plevako, V.YA. Shveycera. Moscow: IMEMORAN, IERAN. P. 36-42. (In Russian)

Kosov Yu.V., Vovenda A.V. 2014. Narodovlastie na sluzhbe uelit [Democracy in the Service of Elites]. *Polis. Politicheskieissledovaniya - Polis.Political Studies*. №4. P. 171-174. DOI: 10.17976/jpps/2014.04.12 (In Russian).

Leyn D. 2012. Grazhdanskoe obshchestvo v stranah ES: ideologiya, instituty i prodvizhenie demokratii [Civil Society in the EU Counties: Ideology, Institutions and Democracy Promotion]. *Polis. Politicheskie issledovaniya - Polis. Political Studies*. №2. P. 98-116. (In Russian)

Medushevskiy A.N. 2007. Perekhod k demokratiii noviy konstitucionalizm v stranah Central'noy Vostochnoy Evropy [Transition to Democracy and New Constitutionalism in the Countries of Central and Eastern Europe]. *Russian and Modern World*. №2. P. 32-51. (In Russian)

Medushevskiy A.N. 2018. Populizm i konstitucionnaya transformaciya: Vostochnaya Evropa, postsovetское prostranstvo i Rossiya [Populism and Constitutional Transformation: Eastern Europe, Post-Soviet Space and Russia]. *Politiya – Politeia*. 3(90). P. 113-139. (In Russian) DOI: 10.30570/2078-5089-2018-90-3-113-139

Musihin G.I. 2009. Populizm: strukturnaya harakteristika politiki ili "ushcherbnaya ideologiya"? [Populism: A Structural Characteristic of Politics or a "Flawed Ideology"?]. *Zhurnal*

politicheskoy filosofii i sociologii politiki "Politiya. Analiz.Hronika.Prognoz" - Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia. 4(55). P. 40-53. (In Russian)

Oskolkov P.V. 2017. Praviy populizm v stranah Benilyuks v sravnitel'noy perspektive [Right-Wing Populism in Benelux Countries: Comparative Perspective]. *Sovremennaya Evropa - Contemporary Europe. 5(77). P. 54-62 (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope*

Oskolkov P.V. 2019. Mul'tikul'turalizm i evropeyskie pravye: v poiskah Drugogo [Multiculturalism and the European Far-Right: Looking For the Other]. *Sovremennaya Evropa - Contemporary Europe. 3(88). P. 83-91. DOI: 0.15211/soveurope320198391 (In Russian)*

Oskolkov P.V. 2019b. Praviy populizm v sovremennom Evropeyskom soyuze: formy i tendentsii razvitiya: [Right-Wing Populism in the Contemporary European Union: Forms and Developmental Trends] dissertatsiya ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.02. Moscow. 206 p. (In Russian)

Oskolkov P.V. 2019c. Bel'giya: konec «shvedskojkoalitsii» [Belgium: Collapse of the «Swedish Coalition»]. *Nauchno-analiticheskiy Vestnik Instituta Evropy RAN - Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS. №1. P. 65-69. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestniki-eran120196569> (In Russian)*

Podrezov M.V. 2017. Russkogovoryashchee naselenie v ritorike pravyyh populistov FRG [Russian-Speaking Population in the Rhetoric of the Right-Wing Populists of the FRG]. *Rusin. 4(50). P. 152-165. DOI: 10.17223/18572685/50/10 (In Russian)*

Rubinskij Yu. 2017. Franciya: smena paradigmy [France: a Paradigm Shift]. *Analiticheskaya zapiska IE RAN № 17 - Analytical papers of IE RAS. №90. P. 108-117. (In Russian)*

Ryabov A. 2018. Prichiny pod'ema populizma v razvitykh stranah i ego otsutstviya na post-sovetskom prostranstve [Reasons for the Rise of Populism in the Developed Countries and its Absence in the Post-Soviet Space]. *Populizm kak obshchiy vizov. Otv. red. K. Krouford, B.I. Makarenko, N.V. Petrov. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. P. 37-46.*

Sedlov A. 2016. Smena migracionnoy paradigmy v stranah ES i v Rossii [The Change of the Migration Paradigm in the EU and in Russia]. *Obshchestvo i ekonomika - Society and Economy. №12. P. 18-27. (In Russian)*

Semenenko I., Prohorenko I. 2015. Ot proekta elit k massovoy politike: vyzovypolitizatsii evropeyskoy integratsii [From Elitist Project to Mass Politics: Challenges of Politicization to European Integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya - World Economy and International Relations. №7. P. 29-40. (In Russian)*

Semenenko I.S. 2019. Identichnost' v povestkednyaevrovyborov [The Identity of the Agenda on the EU Elections]. *Vybory v Evroparlament - 2019. Nacional'nye otvety na dilemmy evropeyskoy integratsii. Pod red. Yu.D. Kvashnina, A.K. Kudryavceva, N.S. Plevako, V.Ya. Shvejsera. Moscow. P. 14-18. (In Russian)*

Sergeev V.M., Kazancev A.A., Petrov K.E., Medvedeva S.M. 2018. Krizis partiyno-politicheskoy sistemy v SSHA i stranah ES: prichiny i harakteristiki [The Crisis of Contemporary U.S. and EU Party Systems: Causes and Characteristics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya - Polis. Political Studies. №2. P. 130-149. (In Russian)*

Ternovaya L.O., Bagaeva A.V. 2016. *Geopoliticheskayasud'ba Vostochnoy Evropy: Monografiya. [Geopolitical Fate of in Eastern Europe: Monograph]. Moscow: Mezhdunarodny izdatel'skiy centr «Etnosocium». 324 p. (In Russian)*

Funke H., Rensmann L. 2004. Noviy praviy populizm v Evrope: sravnitel'niy analiz politicheskikh partiy i dvizheniy [New Right Populism in Europe: A Comparative Analysis of Political Parties and Movements]. *Actual Problems of Europe. №2. P. 74-98. (In Russian)*

Harkevich M.V., Muzalevskiy V.A., Oskolkov P.V. Arhaika i sovremenniy praviy populizm v Evrop e [Archaism and the Contemporary Right-Wing Populism in Europe]. *Sovremennaya Evropa - Contemporary Europe. 2018. 1(80). P. 59-68. DOI: 10.15211/soveurope120185968 (In Russian)*

Shabacyuk A. 2018. Rimsko-katolicheskaya cerkov' v Pol'she: poziciya po problem bezhencev v Evrope [The Roman Catholic Church in Poland on the Issue of Refugees in Europe]. *Sovremennaya Evropa - Contemporary Europe*. 2(81). P. 94-104. DOI: 10.15211/sov-europe2201894104 (In Russian).

Shvejcer V., Kvashnin Yu. 2019. Itogi vyborov v Evroparlament v 2019 g. [Results of Elections to the European Parliament in 2019 (The Conference in Primakov Institute of World Economy and International Relations)]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN - Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. №3. P. 148-155. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32019148155> (In Russian).

Shcherbakov V.Yu. 2016. Evroskepticizm: Germaniya protiv evro? [Euroscepticism: is Germany against the euro?]. *Manuskript – Manuscript*. 11-2(73). P. 203-206. (In Russian).

Zakharova E.A. 2018. Sovremenniy terrorizm v zerkale francuzskoy politiki [Modern Terrorism through the Prism of French Politics]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. №4. P. 241-257. (In Russian). DOI: 10.31249/poln/2018.04.12

Zakharova E.A. 2019. Faktory elektoralnogo uspekha "Alternativi dlya Germanii" [Reasons for Alternative für Deutschland's Electoral Success]. *Politicheskaya nauka - Political Science*. №2. P. 219-244. (In Russian). DOI: 10.31249/poln/2019.02.11.

Список литературы на русском языке:

Абдурахман Ф.М. 2012. Проблема адаптации мусульманских мигрантов в Германии: религиозный аспект. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки*. №4. С. 43-45.

Антонов А.Е., Корнева Л.Н. 2017. Право-популистские региональные движения в ФРГ. *Вестник КемГУ*. 4(72). С. 5-10. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-5-10

Бадаева А.С. 2018. Австрийская партия свободы: между правым популизмом, австрийским патриотизмом и немецким национализмом. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. №3. С. 53-68. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-53-66

Баранов Н.А. 2015. Возрождение популизма: Европейский опыт и российские практики. *Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения*. №3. С. 25-36.

Белинский А.В. 2017. Зреют «гроздь гнева»: всплеск правого популизма в Европе и кризис либеральной демократии. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 46(62). С. 8-11.

Белинский А.В. 2018. Правый популизм и кризис старого миропорядка. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. 51(67). С. 8-11.

Борко Ю.А. 2017. Евросоюз в XXI в.: от триумфа к выживанию? *Европа XXI века. Новые вызовы и риски*. Под общей редакцией Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. Москва, Санкт-Петербург. С. 123-144.

Громыко Ал.А. 2017. *О насущном: Европа и современный мир*. Москва, Санкт-Петербург: Нестор История. 232 с.

Добаев И. 2008. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? *Россия и мусульманский мир*. №9. С. 131-144.

Захарова Е.А. 2018. Современный терроризм в зеркале французской политики. *Политическая наука*. №4. С. 241-257. DOI: 10.31249/poln/2018.04.12

Захарова Е.А. 2019. Факторы электорального успеха «Альтернативы для Германии». *Политическая наука*. №2. С. 219-244. DOI: 10.31249/poln/2019.02.11.

Камкин А.К. 2015. «Альтернатива для Германии» как новый элемент партийного ландшафта. *Современная Европа*. 2(62). С. 118-122.

Канарш Г.Ю. 2011. Философские теории мультикультурализма. *Знание. Понимание. Умение*. №2. С. 33-41.

Канинская Г.Н. 2018. Метаболизмы правого популизма во Франции XXI века. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. №3. С. 85-101. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-85-101

Клинова М.В. 2019. Националистические силы в Европарламенте-2019. Выборы в Европарламент – 2019. *Национальные ответы на дилеммы европейской интеграции*. Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. Москва: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН. С. 36-42.

Косов Ю.В., Вовенда А.В. 2014. Народовластие на службе у элит. *Полис. Политические исследования*. №4. С. 171-174. DOI: 10.17976/jpps/2014.04.12

Лэйн Д. 2012. Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии. *Полис. Политические исследования*. №2. С. 98-116.

Медушевский А.Н. 2007. Переход к демократии и новый конституционализм в странах Центральной и Восточной Европы. *Россия и современный мир*. №2. С. 32-51.

Медушевский А.Н. 2018. Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство и Россия. *Полития*. 3(90). С. 113-139. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-90-3-113-139

Мусихин Г.И. 2009. Популизм: структурная характеристика политики или «Ущербная идеология»? *Полития*. №4. С. 40-53.

Осколков П.В. 2017. Правый популизм в странах Бенилюкс в сравнительной перспективе. *Современная Европа*. 5(77). С. 54-62. DOI: 10.15211/soveurope

Осколков П.В. 2019а. Мультикультурализм и европейские правые: в поисках Другого. *Современная Европа*. 3(88). С. 83-91. DOI: 0.15211/soveurope320198391

Осколков П.В. 2019б. *Правый популизм в современном Европейском союзе: формы и тенденции развития: диссертация кандидата политологических наук*. Москва.

Осколков П.В. 2019с. Бельгия: конец «шведской коалиции». *Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН*. №1. С. 65-69. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120196569>

Подрезов М.В. 2017. Русскоговорящее население в риторике правых популистов ФРГ. *Русин*. 4(50). С. 152-165. DOI: 10.17223/18572685/50/10

Рубинский Ю. 2017. Франция: смена парадигмы. *Аналитическая записка ИЕ РАН* №17. №90. С. 108-117.

Рябов А. 2018. Причины подъёма популизма в развитых странах и его отсутствия на постсоветском пространстве. *Популизм как общий вызов*. Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. Москва. С. 37-46.

Седлов А. 2016. Смена миграционной парадигмы в странах ЕС и в России. *Общество и экономика*. №12. С. 18-27.

Семененко И., Прохоренко И. 2015. От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*. №7. С. 29-40.

Семененко И.С. 2019. Идентичность в повестке дня евровыборов. *Выборы в Европарламент – 2019. Национальные ответы на дилеммы европейской интеграции*. Под ред. Ю.Д. Квашнина, А.К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера. Москва: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН. С. 14-18.

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е., Медведева С.М. 2018. Кризис партийно-политической системы в США и странах ЕС: причины и характеристики. *Полис. Политические исследования*. №2. С. 130-149.

Терновая Л.О., Багаева А.В. 2016. *Геополитическая судьба Восточной Европы*. Москва: Международный издательский центр «Этносоциум». 324 с.

Функе Х., Ренсманн Л. 2004. Новый правый популизм в Европе: сравнительный анализ политических партий и движений. *Актуальные проблемы Европы*. №2. С. 74-98.

Харкевич М.В., Музалевский В.А., Осколков П.В. 2018. Архаика и современный правый популизм в Европе. *Современная Европа*. 1(80). С. 59-68. DOI: 10.15211/soveurope120185968

Шабацюк А. 2018. Римско-католическая церковь в Польше: позиция по проблеме беженцев в Европе. *Современная Европа*. 2(81). С. 94-104. DOI: 10.15211/soveurope2201894104

Швейцер В., Квашнин Ю. 2019. Итоги выборов в Европарламент в 2019 г. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. №3. С. 148-155. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32019148155>

Щербаков В.Ю. 2016. Евроскептицизм: Германия против евро? *Манускрипт*. 11-2(73). С. 203-206.